ЮЛИЯ ФЕДОРИЩЕВА

г. Новосибирск

ФАНТАЗИЯ В СТИЛЕ БРЭДБЕРИ

Старики собираются стаями. Город спит,
Всей громадой фасадов, до самых корней испит.
Монолитный и гулкий, светящийся до небес,
Зачарованный край, небывалый бетонный лес.

Он недвижен, как кит, и безудержен, словно ртуть.
Старики собираются тайно в межзвёздный путь.
На вопросы молчат, напускают туман и дым.
Что-то прячут в комодах, приносят записки им.

Чаще ходят к друзьям, на неделе визитов пять,
То одно, то другое, как будто бы отмечать,
И никто не задумался в грохоте вечных тем:
Старики улетают из города насовсем.

Он случайно узнал. Он на кухне сидит один,
Видит шторы, салфетки, берёт себе мандарин,
Говорит: «Мама, мама, ты шутишь. Ты молода.
Что случилось с тобою? Зачем ты летишь, куда?»

А она отвечает: «Сынок, мне легко, легко.
Сквозняков берегись, кипяти себе молоко».
Озаряются вспышками птичьи тела ракет.
Дремлет город, пылает над ним невесомый след.

Он глаза открывает. Садится, не помня сна.
По квартире гуляет бесплотная тишина.
Чисто прибрано, в пасмурных окнах смертельно тих
Мир оставшихся жить, как хочется, молодых.

Он выходит из дома, бездомно пьёт хлорофилл.
Видит стройных, подтянутых, полных ума и сил.
Он приходит на площадь, где небо всего видней,
Расплываясь солёными точками голубей.

Там за перистым слоем плывёт и дрожит фантом.
Корабли расщепляются в облаке золотом.
Там летят старики, составляя турниры-блиц.
Оживают их молодость, школа, десятки лиц.

И Гагарин вернулся, и мир, и весенний день.
Из оленьей страны прибегает лесной олень.
Над Медведем-горой неотлучно звезда горит,
И поёт под гитару бессмертный теперь Дин Рид.

Но таится забота на дне посветлевших глаз:
Как же справятся дети одни на земле, без нас?
Ничего, пусть привыкнут. Опоры когда лишён, —
Вырастаешь скорее. Их время, а нам — хорошо.

ПИСЬМО РОБЕРТУ БЁРНСУ В МИНУТУ БЕЗДЕНЕЖЬЯ

Привет, бедняга Роберт Бёрнс!
Ты сед и травами зарос.
Опережая твой вопрос, —
Нет, здесь не рай.
Мы в двадцать первом. Пыль, хандроз,
Вороний грай.

Мы тут снуём среди лекал,
Пустышек-слов, бетонных скал.
Ты ничего не потерял.
За годом год.
Век примиренья не настал.
Он не придёт.

Мир любит власть. Начистоту:
Он маскирует пустоту,
Разит обманом за версту,
Но — без обид.
Свою тщедушную мечту
Берём в кредит.

О, Роберт! Новости просты:
Едят милорды, пьют шуты,
И от душевной тошноты
Спасенья нет.
Зато кварталам бедноты
Дан интернет,

А в нём — заморская еда,
Салоны, пляжи, города,
Мы в царстве денег. Не беда.
Всё тлен и прах.
Но есть горячая вода
У нас в домах.

Ты огорчился бы, поэт,
(Живее, правда, этот свет).
Я о горах не стану петь
В пылу тоски.
Они прекрасны, спору нет, —
Но далеки.

ОКСАНА ГОРОШКИНА

г. Красноярск

* * *

Чёрен чифир за прозрачной стеной окна.
Поезд легонько качается — стук да стук.
Столь неуёмная сила заключена
В чутких объятиях маминых нежных рук —

Мир замирает. И не убоишься зла,
Будто и зла никакого в помине нет.
Месяц дрейфует чаинкой в плену стекла.
В банку-купе наливается теплый свет.

Сколько хватает глазу — простор, простор.
Поезд легонько качается — цок да цок.
Пульсу подобный мистический наговор
Мерными точками падает между строк.

Сколько хватает сердцу — покой, покой.
Неосторожно разлитый на сотни миль,
Гладит железный бок золотой волной,
Между собой перешёптываясь, ковыль.

* * *

Без лишней драмы и без претензий
Пиши о том, что тебя не ранит:
Вот жук уселся в букет гортензий,
Вот сад цветущий покоем залит.

А душной ночью в безлунной гуще,
Забившись в угол, обняв колени,
Тверди бездумно: вот жук цветущий,
Вот сад уселся в букет сирени.

* * *

Юбки становятся все длинней...
Кажется, дело идет к весне.
Не расточайся, мой друг, напрасно —
Истина в женщинах и вине.

Семеро в лодке весла не ждут,
Сдашься и ты, мой прекрасный Брут.
Эти смешные до пола юбки
Неописуемо мне идут.

Пусть наша близость живет (увы!)
В дебрях хмельной моей головы —
Бойся, дружище, вина и женщин! —
Я и мартини идем на вы!

ПАВЕЛ КУРАВСКИЙ

г. Новосибирск

ХАРБИН, КОТОРОГО НЕТ

Ты теперь повзрослел, возмужал и раскинулся —
Богатеют и в небо ползут этажи.
Полстолетья, как вычтены, списаны в минусы —
И славянская речь, и колючий пиджин.

Внешне — тот же, от центра до ветхой окраины:
Питер в сопках Маньчжурии, город-проспект;
Изнутри ты — чужой: православная храмина,
А заходишь — музей коммунизма... Эффект!

Ты красив и отвратен, и сладко, и больно мне
Видеть радугу люминесцентных обнов.
От земли до креста шит знакомыми формами,
Содержаньем китайским налит до краёв.

Распрощаемся тихо, сударыни-судари,
Без салютов и спичей, без гимнов и од.
Здесь когда-то стоял русский город на Сунгари;
Он ушёл, и уже никогда не придёт.

Вдоль по круглой Земле, во вторичном гонении,
Разлетелись твоих перекрёстков послы —
Вольный город Харбин, полоса отчуждения,
Русский Китеж, которому некуда всплыть.

СЕРГЕЙ ЛОГИНОВ

г. Ленинск-Кузнецкий

ЯБЛОКО

На улице бурлит весна рекой,
Гремят по ресторанам лабухи,
А он один, закрыл глаза рукой,
Пытается представить яблоко.

За гранью штор толчётся суета,
Шаги прохожих и звонки трамваев,
А он нечёткий яблочный каркас
В своём воображении румянит.

Не первый день, не первую весну,
Упорство не такие камни точит...
Пусть за окном автобусы несут
По городу учёных и рабочих,

А он доделать должен яблоко,
Приблизить миг, когда, горя боками,
Оно из подсознания его
По скатерти стола покатится.

КОНСТАНТИН ГРИШИН

г. Барнаул

В барнаульском небе —
птица в густой ночи,
Говори со мной,
пожалуйста, не молчи.
У меня есть медкарта,
паспорт. Возможно, я
патриот.
Но свою задачу понимаю
наоборот.
Чтобы тебя целовать,
нужно верить
в прикосновенье тел.
И уйти не получится,
как бы я ни хотел.

* * *

Калининградской ночью темной
Трамвайной мелочью звеня,
Я не ищу любви огромной,
Сижу один — и нет меня.
Портовый город спит в тумане,
И рассыпает блеск маяк...
Так трудно быть певцом во стане,
Был мал — не знал, что будет так.

ДМИТРИЙ ФИЛИППЕНКО

г. Ленинск-Кузнецкий

НЕ УСПЕВАЮ

Сделать бы сутки по тридцать часов,
Времени жить не хватает,
Больше работать хочу. Я готов!
И не хочу на Гавайи.

Не успеваю собрать альманах,
Не продолжаю поэму,
Ходит бессонница в серых штанах,
И обостряет проблему.

Не удержал, не замедлил года,
Видно утратил сноровку,
Может, с ума мне сойти, и тогда
Время возьмёт остановку.

ЧУЖОЕ ЛЕТО

Мне про тебя стихи писать нельзя,
Твои глаза и имя под запретом.
И сердце мне твоё с собой не взять,
Пускай для всех банальна строчка эта.

Вернусь в свою никчёмную дыру,
Работа, дом и паутина стресса.
Но скрою от друзей и от подруг,
Что целовался с лучшей поэтессой.

Часы на башне за твоим окном
Мне говорят, что ты — чужое лето.
Курила сигарету, пил вино,
И ночь впадала в ручеёк рассвета.

ИРИНА РОГОЗИНА

г. Новосибирск

ЗАКАТ ЕВРОПЫ

Притихли птицы – может быть, гроза
начнется к ночи. Как похож закат
на пламя погребального костра...
В вечерних новостях справляют тризну –
манерно, зло. Смешные старички –
ван Эйк и Рембрандт, Брейгель и Веласкес, –
кряхтя, из рам своих сооружают
уж если не ковчег – хотя бы лодку...
Звенит комар настырно, а над ним
занесена карающая длань.
Сгустились тучи. Скоро грянет буря.

* * *

Внимательно рассматриваю фото.
Ну что сказать? Непыльная работа —
широкий стол, компьютер, кресло, «Паркер».
Но этот ракурс в четверть оборота —
в нем чудится мальчишеское что-то:
пустынный берег моря, крики чайки,
сеанс в кино, индейцы в старом парке...

Мы понимаем рано или поздно,
что молодость убийственно серьезна:
карьерный рост с отдельным кабинетом,
и наконец-то отпуск будет летом,
опять болеют дети, дача, тёща...
Но стоит разобраться с этой прозой,
как жизнь течет приятнее и проще.

Мне кажется, твоя пора приходит,
одевшись не по моде — по погоде,
гулять по тихим улочкам часами,
кормить с руки нахальных рыжих белок
и с озорством пыхтелок и сопелок
читать «Под голубыми небесами...»
и даже «Муха села на варенье...»

Да, в сущности, вся жизнь – такая малость.
Но и она зачем-то нам досталась...
Прошу тебя, чудесные мгновенья
не упускай и так себя наполни,
чтоб не сумела впредь я разобраться,
где радостью глаза твои искрятся,
где плещутся о мол морские волны.

ИБО ИГО МОЕ БЛАГО

1.

Здесь живет неопознанный кто-то
среди саш, катерин и полин.
Сквозь обшивку его звездолёта
третий год прорастает полынь.

По субботам здесь едут на дачу,
топят баню и жарят шашлык.
Здесь под праздник, бывает, поплачет
миром в старенькой церковке лик.

В общем, нет здесь ни злобы, ни мести,
хоть не всякий внимателен взгляд.
Здесь за ужином смотрят все вместе
сериалы и «Пусть говорят».

Эта жизнь оплетает узлами,
эта жизнь прилипает, как мёд.
Здесь никто ничего не узнает,
а узнав, — ничего не поймет.

2.

Тихий дворик трехэтажки. Стены в серой штукатурке.
Ни одной решетки в окнах. Фонари исправно светят.
Тополиный пух, пакеты, листья, фантики, окурки
с тротуара прямо к урне аккуратно гонит ветер.

Неземным дыша покоем, жизнь течет старинной сказкой:
пиво пьют с зятьями тещи и с невестками золовки,
а в квартире номер сорок, дожидаясь рук хозяйских,
спят скафандр на антресолях и пустой баллон в кладовке.

Рядом лес, и часто веет земляничным ароматом.
Сиротливо брошен мячик у ограды спортплощадки.
Друг за другом по газону резво носятся котята,
и в кустах за гаражами малышня играет в прятки.

По соседкам, как настанет полдень — местная сиеста,
баба Люба посудачить ходит без валокордина...
По неведомой причине у четвертого подъезда
в сентябре цветут пионы и в июне — георгины.

3.

Пять лет прошло — прижился, даже счастлив.
Квартира-двушка, рядышком обитель.
К помазанию ходишь и к причастью,
а батюшка смеется — мол, хранитель,
и даже не выдумывай, что падший.
А рудименты крыльев — не уродство,
и, в общем, безобидное юродство, —
запутавшись в отличьях малых родин
от родинок, при всем честном народе
цветочный куст, давным-давно увядший,
мгновенно от смущенья оживлять.
К тебе привыкли взрослые и дети,
и любят бабушки. Встаешь обычно рано
и ходишь на рассвете погулять.
Тебя интересует все на свете,
за вычетом нотаций и сентенций,
особенно же — местная еда...
И вот уже почти не ноет сердце,
когда чуть-чуть левей Альдебарана
виднеется знакомая звезда.